

Ваша газета. - 2001. - 30 авг. - 5 сит. - с. 10

На трамвае с самим Достоевским

Праправнук писателя — вагоновожатый

«Ипасьская улица следующая», — объявит вагоновожатый. А если он будет к тому же такой типично питерской, хрупкой породы, с бледным точеным лицом, обрамленным русой бородой, значит, я вывел вас на верный путь: сегодня трамвай по 28-му маршруту ведет Алексей Достоевский.

Вагоновожатый Алексей Дмитриевич Достоевский — праправнук Федора Михайловича. У Федора Михайловича было четверо детей, до взрослой поры дожили двое — Люба и Федя. Люба была бездетной. У Федора родился мальчик, назвали Андреем. Андрея Федоровича Алексей не застал, дед умер в 68-м. Отец, Дмитрий Андреевич, первым пришел работать в трампарк Кировского района, что на улице маршала Говорова, здесь в маленькой двухкомнатной квартирке живут прямые потомки великого писателя.

Через Екатеринбургский мост 28-й трамвай выезжает на Рижский проспект, в этой части имперской столицы улицы именовались по названиям прибалтийских губерний.

«Улица Степана Разина следующая» — это бывшая Эстляндская.

О таких кварталах говорят: мрак и запустение. Закопченные фасады; расселенные дома с пустыми проемами окон; редкие, пыльные витрины; вывески, дающие представление о самом скромном характере потребителей обитателей трущоб. Два варианта: «ремонт обуви» и «напитки 24 часа». В вагонах — летняя тишина, как в

«Белых ночах»: «весь Петербург поднялся и вдруг уехал на дачу».

С Рижского — выезд на Красноармейские улицы. Путеводители подсказуют, что на участке между 2-й и 3-й Красноармейскими (раньше 2-й и 3-й Роты) стоял доходный дом, в котором писались «Записки из мертвого дома». Это бывшие улицы Измайловского гвардейского полка, и в этих улицах-ротах сохранился особый дух николаевского Петербурга, где доминантой в архитектуре был монотонный облик казарм.

«Загородный проспект следующий», — объявляет Достоевский. По правую руку от Загородного — Семеновцы, бывшие линии рот лейб-гвардии Семеновского полка. Уже при Достоевском линии стали улицами, номера сменили на названия по городам Московской губернии: Бронницкая, Серпуховская, Подольская, Верейская, Можайская, Рузовская. Запоминать советуют в обратном порядке, для чего и придумана была некогда фраза: Разве Можно Верить Пустым Словам Балерины.

Далее, на Пионерской площади, бывшем Семеновском плацу — Театр юных зрителей. В декабре 1849 года на этот плац вывели двадцать петрашевцев, приговоренных к «смертной казни расстрелянием». За то, что читали «не ту» литературу: министр НКВД-КГБ, как известно, не изобретение советской власти. Казнь в последний момент заменили помилованием. Достоевский, один из двадцати, был приговорен к четырем годам каторги «с последующей отдачей в

солдаты». В Петербург вернулся через целую вечность, в 1859 году, ему было уже 38, не юноша по тем временам.

По ночам в аллеях у Пионерской площади грошовой юные проститутки и клиенты не первой молодости. Ночные красавицы, в основном, из тех райцентров и поселков Ленинградской области, где нет работы, а родители пьют. Часть заработка отдают антрепренеру промысла — мадам. Еще нет девяти вечера, и далеко до захода солнца, но она, монументальная дама в вишневом бархатном платье до пят, уже прогуливается по аллее, обозревает свои владения. Всё как полтора века назад.

«Улица Марата, 72, следующая» — бывшая Николаевская, до декораций Невского остаются всего шесть улиц и переулков. Здесь старые фабрики, старые доходные дома и дворы-колодцы. Строительная норма 19-го века — не менее двух сажен между многоэтажными флигелями, в метрической системе это чуть более четырех метров. В домах сплошь коммунальные квартиры. «Вообразите, примерно, длинный коридор, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будет глухая стена, а по левую всё двери да двери, точно номера, все так в ряд и простраиваются. Ну, вот и занимают эти номера, а в них по одной комнате в каждом; живут в одной и по двое, и по трое», — тяжкие впечатления Макара Девушина остаются современными и по сей пору. Доходные дома — тупиковая проблема сегодняшнего Петербурга.

«Кузнечный переулок следующий» — здесь музей Достоевского, один из шестнадцати петербургских адресов писателя. В музее хранится записочка: «Папа, дай гостинца. Федя». Прадедушка Алексея Дмитриевича подсунил однажды эту записочку под дверь кабинета, где, запершись от шумного семейства, работал папаша.

У нынешних Достоевских — ни единой вещицы и ни единого автографа именитого пращура. Не будем упоминать и о таких частностях, как недвижимость Достоевских в Петербурге и в Старой Руссе, которую выкупила трудолюбивая вдова писателя Анна Григорьевна. Достоевские отдали всё государству. Сами не сгнули, уцелели — и то хорошо.

«Владимирская площадь следующая»... По левую руку — грандиозная реконструкция, возводится гостиничный комплекс «Достоевский». Достоевский — один из брэндов города, такой же как Эрмитаж или балет Мариинского театра. Семья эта эксплуатация имени пращура дивидендов не приносит, нет у нее и процентов от издания многомиллионными тиражами его книг. Отношение к римейкам типа «Идиота» Федора Михайлова? Никакое, пусть себе пишут, если это кусок хлеба.

Для кого-то великое имя, полученное от рождения, — главное событие в жизни. Для другого — просто факт. У Алексея Дмитриевича Достоевского своя биография, вполне respectable для петербургского интеллигента в пятом поколении. Пунктиром: английская школа — педин-

ститут — рок-группа (бас-гитарист) — Валаамский монастырь (послушник) — трампарк — брак с Натальей, флейтисткой той самой рок-группы — рождение дочери, которую назвали Анной, в честь прапрабабушки, Анны Григорьевны...

Владимирский упирается в Невский. По правую руку — здание бывшей гостиницы «Москва», здесь на углу Владимирского был «Сайгон», легендарный кафетерий 60 — 80-х годов, в котором за чашкой маленького двойного кофе собирались все субкультуры Ленинграда. Теперь «Сайгона» нет, а вместо «Москвы» будет «Рэдиссон». По левую руку во дворе бывшего ресторана «Палкин» когда-то размещалась типография газеты «Гражданин», ее редактором одно время был Достоевский. Двор на задах бутика — смрадная разруха. И так почти по всему Невскому: несколько шагов за декорации, в подворотню, вглубь квартала, и образ блистательного Петербурга исчезает без следа.

28-й трамвай пересекает Невский. Дальше Литейный и Греческий проспекты, тоже один из адресов Достоевского. Затем Пески и выезд к Неве, на Большеохтинский мост. Слева Смольный собор, а наискосок, на противоположном берегу — Малоохтинский дом трудолюбия для девочек, детей трущоб, вечных персонажей Достоевского.

Трамвай бежит по Охте, местам скучным и пыльным. И вот наконец на финише — станция Пискаревка. Один питерский фотограф недавно представил выставку: «Санкт-Писка-

Александр Орлов

ревка», сплошь люмпены, пьяницы, бомжи... Надо быть Достоевским, чтобы уметь бесконечно сострадать этим людям, их слабым душам и до судорожной боли переживать несовершенство мира, неспособного навести мосты над пропастью между чудовищной бедностью и крикливым богатством.

Праправнуку Федора Михайловича, Алексею Дмитриевичу двадцать пять лет. Он любит этот город. Он созерцатель. Кто скажет, что сложится из его каждодневных маршрутов и наблюдений, куда привезет его 28-й трамвай?..

Алла РЕПИНА